

Часть первая

ПРЕДЧУВСТВИЕ СМЕРТИ

1

Мотор заглох. Осталось проехать всего ничего, а он заглох! И в таком дохлом месте, что хоть кричи, хоть плачь — никто не поможет. Некому. Одни лесополосы по бокам листвой шумят, нагоняя уныние. Конечно, Виктория, которую гаишники постоянно путают с мальчишкой, укравшим у папочки авто, несколько раз упорно пробовала завести проклятый мотор, да без толку.

Она открыла дверцу, присмотрелась, куда ступать — здесь же через каждые пять—десять метров поджидают автолюбителей озера грязи, а у нее на ногах модельные туфли и время осеннее. Ей относительно повезло: застряла между лужами. Виктория достала из бардачка фонарик (к счастью, он есть и батарея не разрядилась), открыла капот и посветила на внутренности машины. Действие абсолютно бесполезное, так как она ровным счетом ничего не понимает в аккумуляторах, свечах, проводах неясного предназначения, трубочках... Ну, по-

трогала пальчиком некоторые детали, держатся они крепко, и что дальше?

— Какого черта тебе надо? — отчаявшись, захныкала Виктория. — Тебе же года нет! В салоне обещали, что у меня проблем с тобой не будет три года, три! Вот сволочи, везде дурят. Ну, заведись, ну, пожалуйста...

Не-а, не завелась. Виктория закурила, хотя уже неделю не брала в рот сигарет, но, может, вместе с никотином поступит в мозг и дельная мысль, как ей быть. Бросить машину — ни за что! Угнать ее как будто некому, но все равно оставлять страшновато, обязательно найдется какая-нибудь тварь и открутит колеса. А позвонить?

Вот они, минусы съемного жилья у черта на куличках! Летом — куда ни шло, летом темнеет поздно, народ, как зомби, бродит непрерывно: то с электрички идут, то на электричку, то едут туда-сюда, одним словом, дачный рай. Недавно поселок вошел в черту города, дачники получили разрешение на прописку, поэтому участки охотно покупаются и растут, растут, как грибы, и симпатичные особнячки. Правда, сейчас начался мертвый сезон, постоянных жителей мало. И Виктория с прицелом сняла дачку, чтобы в дальнейшем купить ее, ведь квартиры в городе стоят баснословно дорого, а тут все есть: дом, газ, вода, даже гараж железный! Стоимость пока смехотворная, но цены, сволочи, растут...

— Привет, — затарахтела она в телефон. — Извини, что поздно беспокою, но у меня бедствие, мотор заглох. Не могла бы ты кого-нибудь найти, кто понимает в машинах, и привезти ко мне? Я нахожусь на дороге, осталось пара километров до поселка.

— Кого найдешь в двенадцатом часу ночи? — Подруга явно не горела желанием помочь.

— И что мне делать, ждать утра? — взвилась она. — Ты подруга или кто? Это же не каприз...

— Ладно, попробую созвониться, жди.

Ну, уже легче. Виктория включила проигрыватель, вставила флешку — с музыкой-то веселее. Чем еще разбавить часы ожидания? Едой, конечно, тем более ее фигуре ожирение — бич наших дам — не грозит. Порывшись в пакете с продуктами, Виктория вынула хлеб, ветчину и плюшки. Жаль, ножа нет, предстоит буханку грызть зубами, но теперь она будет знать, что в машине на непредвиденный случай должен иметься туристический набор от ножа до спального мешка.

Вот так сидишь полчаса в темном салоне авто, заедаешь сухомыткой стресс, убажасаешь музыкой слух, опять же нивелируя стресс, и думаешь, что в радиусе километра даже кошки не найдется. Кошки, может, и не найдется, а человека запросто встретишь, вопрос: какого?

Спать не хотелось, это естественно. Только мужик способен уснуть ночью в машине посреди дороги, но и он не раз прикинёт, чем ему грозит беспечность. И долго смотреть в одну точку людям несвойственно, Виктории в частности, ее взгляд рассеянно блуждал, пока не задержался на плотной тени, которую обозначила луна, наполовину вынырнувшая из-за туч.

Вначале Виктория подумала, что это остатки трухлявого дерева, посему не испугалась. Но тень возвышалась на обочине отдельно от стены лесопосадки, и привыкшие к темноте глаза мало-помалу различили силуэт, напоминавший человека. Да... вроде вон голова, плечи, а дальше — бревно бревном...

Тень шевельнулась! Тут-то у Виктории и екнуло сердце, а во рту появилась горькая сухость, потому что до нее дошло наконец, что возвышенность на дороге к бревну не имеет никакого отношения, это живой человек.

Мужик.

Явно вперился в нее, наверняка видит лицо, освещаемое приборами, и выжидает. Само собой, на ум приходит только одно: намерения у него далеки от добрых, да он же может сделать с ней все что угодно, она же маленькая, худышка, силенок нет.

А под рукой — ничего, чем она могла бы защититься, тем не менее мозги лихорадочно

искали средство обороны. Вот-вот, в машине, помимо туристического набора, обязательно нужно возить и бандитский комплект: битую, нож, файер (чтобы огнем отпугивать всякую шуштуру), а еще лучше — пистолет.

Пистолета нет, зато есть пилка для ногтей! Виктория судорожно вытащила из сумочки косметичку, из нее — пилку с заостренным концом, зажала ее в кулаке. Теперь надо действовать так: фарами ударить по мужику и, пока он, ослепленный ярким светом, будет протирать глаза, драпать что есть мочи. Но страшно... Вдруг он не один?

С бешено бьющимся сердцем, тихонько приоткрыв дверцу, Виктория врубила дальний свет... Да! Это мужчина, он заслонился рукой. Она же, опустив ногу на землю и приготовившись бежать, вдруг замерла, когда он крикнул знакомым голосом:

— Выруби свет! Я не бандит.

Виктория почувствовала такой мощный спад напряжения, что попросту упала на сиденье, через минуту ее трясущаяся рука все же переключила свет с дальнего на ближний. Он подошел, разглядев ее, рассмеялся:

— Ты? Вот так встреча... А я смотрю — машина торчит на дороге, за рулем — то ли пацан, то ли девчонка, тебя не узнал. Думаю: подойти — не подойти? Боялся напугать.

— Тебе отлично это удалось, — еле выговорила Виктория, не верившая до конца в свое счастье. — Напугать то есть.

— Ладно, проехали. Что случилось?

— Мотор безнадежно заглох.

— Фонарь есть? (Она молча включила фонарик.) Посвети.

М-да, Виктория — впечатлительная натура, жуткий испуг, потом мгновенное облегчение практически лишили ее сил, однако она вылезла из машины и направила луч фонарика на капот, изумленно спросив:

— Ты откуда здесь взялся?

— К тебе приехал, — копаясь во внутренностях авто, сказал он. — Дело у меня, но об этом позже. Ждал тебя, ждал, решил завтра встретиться, сел в машину, а она не поехала. Представляешь, какое совпадение? Оставил ее возле твоей резиденции и решил пешком добраться до города, там поймать тачку. Так-с, так-с... Ну, чего стоишь? Пробуй завести.

Виктория села за руль, и... мотор приятно заурчал! Теперь только бы доехать и завалиться спать.

— А что там сломалось? — поинтересовалась она.

— Ерунда, деталь отошла, ты все равно не поймешь, — идя к ней, говорил нечаянный, посланный свыше спаситель. — У меня дело

обстоит хуже, без серьезного ремонта не обойтись...

Виктория хотела рассыпаться в благодарностях и предложить отвезти его в город или заночевать у нее, да неожиданно для себя буквально захлебнулась первым же словом, не успев понять, что произошло...

Он убрал платок с ее лица, после, взяв девушку за подбородок, повертел стриженую голову в одну сторону, в другую. Удостоверившись, что она полностью отключилась, передвинул ее на место пассажира и сел за руль. Машина мягко тронулась, на черепашьей скорости объезжая лужи, так же неторопливо ехала и по узеньким улицам дачного поселка, который казался вымершим...

— Руди!.. — тихонько толкая мужа в плечо, будила его Олеся. — Рудольф, да проснись же ты...

— Который час? — промямлил он, полагая, что наступило утро.

Главное, выяснить, сколько еще можно поваляться в постели, потом послать жену к черту с приказом разбудить его позже.

— Не знаю, — ответила она. — Ночь. Рудольф, ты не слышишь? Тебе звонят уже третий раз...

Он сфокусировал внимание на звуках и... подскочил как ошпаренный, мигом проснув-

шись. Третий раз! Неужели Олеська не взяла трубку? Она же сует свой острый нос повсюду, но не взяла и не послушала голос в трубе под кодовым именем «Заместитель-1». У, как повезло. Он схватил мобильник и двинул к двери.

— Можешь здесь говорить, — разрешила Олеся сонным голосом, — я все равно не сплю.

Хм, не спит она. Даже если бы жена лежала трупом, он ушел бы из спальни. Рудольф оставил фразу жены без внимания, открыл дверь, одновременно нажав на кнопку телефона:

— Да, я слушаю...

— Рудик, ты можешь сейчас говорить?

Ах, умница, она достойна восхищения! И вопрос правильный, и голос понизила — все учла Ия. Но его взгляд машинально попал на светящийся циферблат круглых часов, висевших на видном месте, после чего Рудольф забыл ее вопрос, выпалив:

— Ни хрена себе: без пяти два! Что стряслось?

— Только не ругайся, я бы не потревожила тебя по пустякам. Около двенадцати позвонила Тошка, у нее сломалась машина на дороге, недалеко от дачного поселка, она просила привезти мастера. Я обзвонила знакомых, все отказались ехать, некоторые вообще не ответили. Звоню Тошке, а она не берет трубку. Я волнуюсь за нее, но одна ехать туда боюсь, вдруг случилось что-

нибудь ужасное? Ру-удик... — протянула она просительно.

— Ясно, — меланхолично вздохнул он, прощаясь с такой естественной и обожаемой потребностью, как сон, теперь о подушке и кровати придется забыть до позднего вечера. — Ты хочешь, чтобы я приехал и мы отправились к Тошке? Собираюсь и еду.

— А дома что скажешь? — озаботилась Ия.

— Какая разница? Короче, жди.

К тому времени он уже был внизу, кинул трубку на диван, потер лицо ладонями, затем провел растопыренными пальцами по волосам, дабы пробудить спящие мозги и сообразить, с чего начать сборы. Напольные часы пробили два раза, кстати, дом набит ими — большими и маленькими, это напоминание о быстротечном времени, которое нужно беречь, а не бездумно тратить.

Рудольф метнулся в гардеробную, взял джинсы, свитер, туфли и куртку, задумался, вычисляя время, которое предстоит затратить на поездку. Наверняка в этой же одежде придется и на работу отправиться, а он всегда являлся живым примером для подчиненных, требуя и от них официального стиля: костюм, рубашка, галстук. Но сейчас удобства превыше капризов, да и в офисном кабинете у него висит костюм на

непредвиденный случай, Рудольф начал одеваться.

Заскрипела дверь, послышались легкие шаги, но он не поднял голову, чтобы посмотреть, кто идет. Кто может идти: она, жена. Звонила любимая женщина, поэтому отказать ей он не мог, к тому же побыть с ней несколько часов — это праздник, который Рудольф надеялся узаконить в недалеком будущем. А по лестнице спускалась давно нелюбимая женщина, она об этом еще не знает, но он подозревал, что догадывается, если же не догадывается, тогда у Олеськи интеллекта на копейку, а интуиция в минусе. Именно на семью Рудольф зря тратит драгоценное время, не все в этом мире легко дается.

— Куда ты ночью? — задала она идиотский вопрос.

— К любовнице, — получила такой же идиотский ответ, зато правдивый, но Олеся не поверила:

— А серьезно?

— Считаешь, меня посмели бы вызвать среди ночи без серьезных причин? — раздраженно бросил Рудольф, затягивая «липучки» на туфлях.

Собственно, его раздражение Олеся оправдала: кому понравится, когда не дают спать? Она жена понятливая, не упрекнув дорогого и любимого мужа за такой тон, спросила:

— За тобой приедут?

— Нет, поеду на своей машине.

— Тогда иду варить тебе кофе.

Как же его тошнит от ее заботы, самоотдачи, преданности, любви, как весь этот семейный очаг вместе с долбаным счастьем его достал — между прочим, очагом еще называют заболевание, центр землетрясения, пожар. В общем, это слово несет отрицательный заряд. Тошнит и от приторно-сладких губок с глазками, вопросительно приподнятых почти бесцветных бровей, естественного румянца и кудряшек вокруг кукольной мордашки.

— Обойдусь, иди спать, — буркнул Рудольф.

— Как это обойдешься? — не сдалась Олеся. — Все нормальные люди спят, а тебе за руль предстоит сесть, кофе хотя бы взбодрит. Не спорь, десять минут ничего не решат.

Он смотрел ей в спину исподлобья, разминая пальцы, будто им чего-то не хватало, и раздумывал, как и когда сказать, а главное — что? У него не было повода придрататься, предъявить претензии, хотя он искусно моделировал ситуации, провоцируя жену вспылить, высказать упреки, защитить свое «я». Любой значимости скандал (даже ничтожный) он использовал бы в свою пользу, развил бы его, раздул и тем самым получил бы право обрести собственную свободу. Но Олеська не давала повода, не поддавалась на провокации, на все его хамские

выпады у нее не было заготовлено извинение, хотя он ни разу не додумался попросить прощения: он много работает, ему тяжело, он устал. А без повода как-то трудно с ней порвать, ведь по большому счету Олеся ничего плохого ему не сделала, к тому же четырнадцать лет из жизни не вычеркнешь, просто за эти годы жена Рудольфу осточертела.

— Вот твой кофе.

Перед носом Рудольфа появился небольшой поднос с чашкой на блюдце. Она знает, сколько сахара класть, какой крепости кофе он любит, наверняка успела остудить его до нужной температуры. С внутренним стоном, к счастью, не прорвавшимся наружу, он взял чашку и начал пить, обжигая рот, дабы покончить с этой процедурой в считанные секунды.

— Может быть, бутерброд? — предложила Олеся.

— Ну, кто ест в два часа ночи? — недовольно фыркнул он.

Недовольство дома — это теперь его основная манера поведения, а жена ничего не замечает, ничего не чувствует. Толстокожая. И глупая. О, как Олеська глупа, невыносимо глупа, вся ее бессмысленная жизнь наполнена глупостью. Рудольф поставил недопитый кофе на поднос, подхватил с дивана телефон...

— Права, ключи, деньги взял?

Олеся всегда напоминает ему про мелочи, между тем он не страдает забывчивостью, но таким образом жена подчеркивает свою необходимость ему, что тоже выводит его из себя. Рудольф, ни слова не говоря, двинул в прихожую, взял кейс, но Олеся настигла его и там:

— Платки забыл.

Сунув ему два отутюженных носовых платка, она чмокнула его в щеку на прощание, не получив ответного и благодарного поцелуя. Нет, он не разлюбил ее, он никогда (!) не любил ее.

Рудольф вылетел во двор и, когда шел к гаражу, мысленно ругал свою трусость и давал себе обещание, что сегодня вечером поставит Олеську перед фактом. Впрочем, такие обещания он дает каждый день, но обязательно что-то мешает воплотить их в жизнь, можно подумать, некая сила нарочно ставит ему препоны. Только когда выехал на улицу, Рудольф почувствовал себя вольготно.

2

С Ией все по-другому. Одно присутствие ее в машине поднимает настроение, ночь уже не ночь, а начало нового дня, за которым видятся желанные перемены. Когда она рядом, Рудольф полон решимости и смелости, недавние терзания кажутся ему ерундой, не стоящей стольких

мук. А почему, собственно, он должен мучиться в свои тридцать шесть? Это его жизнь, он вправе строить ее так, как хочет.

А хочет он Ию, с ней у него много общего — она работает у Рудольфа заместителем по коммерческим вопросам. Звучит круто? Но Ия стоит того, хотя он рисковал, когда брал ее сразу на эту должность без многолетнего опыта работы по данной специальности. Увидел, поговорил и взял. Кстати, не прогадал, Ия — действительно ценный кадр: умная, грамотная, креативная, а красивая — упасть и не встать. Вообще-то и он тоже не подкачал: высок, черноволос, черноглаз, харизматичен и успешен, недаром же бабы виснут на нем. И он беззастенчиво пользовался мужским обаянием, больше тащился от себя, чем от бабья, но Ия расставила другие акценты. Сейчас Рудольф понимает, что спекся еще во время собеседования, потом три месяца накручивал вокруг нее педали, сужая круги, а секс случился на корпоративной пьянке в его же кабинете. Короче, ему пришлось потрудиться, добиваясь ее.

Думал, страсть утолена, можно вернуться к привычному распорядку и ритму жизни без встрясок, как это происходило раньше после внезапных случек. Но через день появилась Ия, а он вновь ощутил непреодолимое желание целовать сладкие губы и лебединую шею,

сжимать гибкое тело, видеть, как она в экстазе прикрывает глаза песочного цвета с черным ободком вокруг радужки и млеет, как рассыпаются ее лимонные волосы по шелковой зелени подушки. До конца рабочего дня Рудольф не дотерпел, отвез ее в гостиницу. С тех пор прошло полгода, влечение не ослабло, напротив, усилилось, на других женщин его не тянет, это означает, что выбор сделан, и окончательный. Мало того, в Рудольфе произошли перемены, он стал другим, а измененному человеку нужно и жизнь начать сначала, перечеркнув прошлое.

— Сбавь скорость, мы подъезжаем, — сказала Ия, высунув свой прямой и тонкий носик из пушистого ворота-стойки.

— Считаешь, мы не заметим машину твоей подруги? Дорога-то пустая.

Она оделась, как и он, в джинсы и свитер, только ее свитер был из пушистой желтой пряжи, почти под цвет волос. Рудольф не выносил в быту желтизну, усматривая в данном колере безвкусицу и показуху, мол, нас окружает радость, выраженная в солнечном тоне. Олеська с маниакальным упорством обставляла себя бараклом желтых оттенков, несмотря на запрет мужа, за одно это ее убить мало. Но Ия в желтом свитере — это нежность, весеннее тепло, первоцвет на зеленой лужайке — совершенно другие ассоциации.

Рудольф так и не сбавил скорость, он, как всегда, экономил время, это вошло у него в привычку. Сейчас найдут Викторию, возьмут на буксир ее колымагу, доставят по адресу и поедут на квартиру, которую он купил для встреч с Ией, а месяц назад она туда переехала, расставшись с мужем. Но у нее проблем меньше: детей нет, нет и общего имущества, которое бывшие супруги пилят при разводе, хищно клая зубы, к тому же брачный стаж мизерный, всего два года.

— Вот и дачи, — заметил он, притормозив. — Где же твоя Тошка?

— Может, ей помогли добраться? — Ия тоже недоумевала. — Но почему она не позвонила мне? И на звонки не отвечает.. Поехали к ней, я не успокоюсь, пока не увижу ее.

— Показывай дорогу.

Добравшись до участка, Рудольф заглушил мотор и остался в машине, полагая, что Ия надолго не задержится. Поскольку ни в одном домике не светились окошки, а фонарный столб возвышался далековато, он не погасил фары. Ия увидела, что навесного замка на воротах нет, и обрадованно сообщила:

— Тошка дома!

Ну и отлично. Рудольф развалился в кресле, прикрыл веки, размечтавшись, как сейчас они отправятся на квартиру и остаток ночи проведут за приятнейшим занятием.

Домишко был маленький, одноэтажный, но пригодный для жилья, а не садовый сарай, предназначенный для хранения урожая и ночевки в летний период. В нем четыре крошечные комнатухи, одна из них кухня и одновременно столовая, именно там Виктория оставляла гореть свет на ночь, но это окно сейчас чернело беспросветностью.

Несколько раз Ия постучала в дверь, потом, зная, в какой комнате спит Виктория, настойчиво колотила по стеклу, которое откликнулось дребезжанием — рамы-то старые, стекла в них держатся непрочно. Не получив в ответ ни звука, она осмотрела окно и недоуменно пожала плечами. Дело в том, что Виктория на ночь в спальне оставляет открытой форточку, причем в любое время года, сейчас форточка закрыта. Ия вернулась к машине и попросила Рудольфа:

— Достань, пожалуйста, телефон из сумочки. Ничего не пойму: такое ощущение, будто ее нет дома.

— Может, правда нет?

— Но ворота открыты! — возразила Ия, набирая номер подруги. — А они закрываются на цепь, которая фиксируется амбарным замком... Я подойду к окнам и послушаю, если Тошка в доме, услышу мобильник, мало ли что могло случиться.

Он выбрался из машины, поежился — было свежо. К тому времени Ия уже стояла у дома и прислушивалась, надеясь уловить звуки мобильного Виктории. Рудольф зашел на участок, огляделся, и его осенило:

— А если она еще утром забыла закрыть ворота?

— Виктоша никогда и ничего не забывает. Я к тому окну подойду. — Ия свернула за угол, и оттуда раздался ее голос: — И куда бы она делась с дороги? Допустим, ей кто-то помог починить машину, куда она поехала бы? Либо ко мне, либо сюда. Сюда ближе... Ой, в голову лезет всякая дрянь.

Рудольф шел на ее голос, да вдруг приостановился, не понимая, откуда идет слабый звук мелодии. Слишком коротко она прозвучала, внезапно оборвалась, и он крикнул:

— Ну-ка, вызови Викторию еще разок.

— А что? — выглянула из-за угла Ия.

— Кажется, я слышал мелодию, если это не радио или музыкальный центр где-то поблизости, то... Звони!

Ия нажала на кнопку мобильного, направилась к нему, оступилась и едва не упала, ибо внимание ее было сосредоточено на Рудольфе, который поднял руку: мол, тише. Она застыла на месте, но ничего не слышала. Зато он услы-

шал, сделал на звук шаг, второй, потом указал на гараж:

— Если не ошибаюсь, из этой коробки...

Он не договорил, кинулся к гаражу, попытался открыть ворота, да не тут-то было. На земле лежало кривое бревно, оно подпирало створки. Рудольф приподнял его, оттащил в сторону и распахнул сначала одну створку, затем другую, из гаража хлынула волна выхлопных газов.

— Принеси фонарь, он в багажнике, — бросил Рудольф.

Понимая, что медлить нельзя ни секунды, он, натянув на нос ворот свитера, ринулся внутрь. Рудольф ощупал руками автомобиль, дверца со стороны водителя была приоткрыта, он распахнул ее, в этот миг ударил сбоку яркий луч, Ия нервно спросила:

— Она в машине?

— Вызывай «скорую»!

Рудольф вытащил из салона бесчувственное тело Виктории, поднял на руки и вынес на воздух. Она была щуплая, невысокая, похожая на мальчика-подростка, а оказалась весьма тяжелой. Рудольф отнес ее подальше от гаража, уложил прямо на землю, пощупал пульс на шее, потом наклонился и послушал грудь, но стука сердца не услышал. Она не дышала.

— Еле объяснила, куда ехать, надо бы их встретить... — произнесла Ия, присев рядом. — Что с ней, Рудик?

— Угорела.

— И что теперь? Она жива?

Рудольф неразборчиво что-то произнес, покачивая головой и от растерянности потирая бедра. Но Ия поняла, непроизвольно вскрикнула, мелко-мелко задрожала, но холод здесь был ни при чем. Приподнявшись, Рудольф взял Ию за плечи, притянул к себе, коснувшись лбом ее лба. Между ними лежала бездыханная Виктоша, как немой укор: мол, вы-то живы, а я тут валяюсь, неужели ничего не сделаете для меня? А ведь она в их романе не последнюю роль сыграла.

— Попробуем сделать искусственное дыхание, — сказал он, ему очень хотелось утешить Ию. — Но, думаю, это бесполезно, выхлопные газы...

— Рудик, умоляю...

Ия заплакала. Конечно, столкнувшись с такой нелепой смертью, трудно поверить, что помочь уже нельзя. Ведь неизвестно, когда смерть наступила, вдруг минуту назад, может быть, есть надежда? Рудольф снял куртку, отдал Ие, сдвинул рукава свитера к локтям и приступил...

...Жанна впустила сестру в квартиру, шикнув:
— Тихо, Глеб недавно заснул, он с ночной смены.

Сестры обнялись, суетливо расцеловались, после чего Санька подняла два тяжелых баула и шепотом спросила:

— Здесь подарки, а тут мои вещи, куда их нести?

— Вещи в комнату, оставь пока, потом разберешь. А это что?

— Продукты.

— Тогда на кухню. Ну и тяжесть. Зачем столько-то?

А что еще могут передать родители, промышленяющие подсобным хозяйством? Только натурпродукт без химии, пестицидов и прочей дряни. Санька вынимала из баула стеклянные банки, завернутые в газеты, чтобы не побились, пакеты и отдавала сестре:

— Сало, дед соломой коптил. Это мясо, залитое смальцем. Вот окорок, дед солил... Это колбаса домашняя, не бойся, не пропала, тоже в смальце. Курица копченая. А в бидоне яйца.

— Ужас, как ты все это дотащила? — поражалась Жанна.

— Не все. Я хоть и взяла такси, но сумку с яблоками и грушами в камере хранения оста-

вила, к сожалению, у меня две руки, а таксомоторы аж на площади.

— Почему не сообщила точное время, когда приезжаешь? Глеб встретил бы...

— Сама, как видишь, справилась.

Да, Санька такая: лишний раз не попросит об одолжении, не станет утруждать кого бы то ни было, самостоятельная с пеленок. Переpravляя продукты в холодильник, а места там оказалось недостаточно, Жанна поглядывала на младшую сестру с интересом, оценивая изменения, которые произошли за два года — именно столько они не виделись. Сейчас на разъезды особо не потратишься, дорого, если бы они оба работали, было бы проще, но пашет один Глеб.

— Ты изменилась, — заметила она. — Серьезной стала, деловитой и... взрослой. Очень взрослой. Не пугайся, я же не сказала: постарела.

— Я не пугаюсь. С мужиками работала, вот и повзрослела, — улыбнулась Санька. — С ними надо себя правильно поставить, мне это удалось, они даже матом ругались очень редко.

— Достижение, — усмехнулась Жанна. — Почему замуж не вышла, находясь среди такого цветника?

— Не берут, — фыркнула Санька. Кажется, она легкомысленно относится к своему незамужнему положению, хотя находится на крити-

ческой отметке, двадцатичетырехлетний возраст не предполагает множества женихов. — А вы почему до сих пор не расписались? Пять лет — достаточный срок, чтобы определиться.

Осекшись, Жанна присела на табуретку, но ведь сама бестактно полезла в ее душу, наверняка затронув болезненную тему, вот и получила такой же встречный вопрос. Однако Санька спросила без задней мысли, хитрить и подначивать она не умеет, следовательно, заслуживает правдивого ответа, поэтому Жанна честно сказала:

— Я не хочу. Да, я. Семья — это когда дети, а у меня не получается... Не хочу сковывать Глеба штампом. Если и на этот раз не получится, сама предложу расстаться. Ему уже тридцать шесть, у него давно появилась потребность стать отцом, а я его слишком люблю, чтобы лишиться этой радости...

— Так ты в положении? — обрадовалась Санька.

— Я бы сказала, опять, — далеко не радостно вздохнула Жанна. — Почти четыре месяца. Как я рада, что ты приехала, теперь спокойно лягу на сохранение, а на тебя взвалю хозяйственный воз, уж извини.

— Запросто! Обещаю сохранять тебя до самых родов. Мне бы только на работу устроиться, на вашей шее сидеть я не намерена.

Обе вздрогнули от неожиданности, в их тесный кружок шумно влился Глеб и сгреб Саньку в охапку:

— А я гадаю, кто это шушукается? Мы ждем, когда она сообщит о приезде... Кстати! Теща передала зятю презент собственного изготовления?

— Конечно! — Санька вырвалась из его объятий. — Сейчас принесу.

Через несколько секунд она вернулась, поставив на стол две бутылки «огнетушителя». Жанна недовольно поморщилась, а Глеб восторженно принял подарок, одну бутылку оставил, уселся и командным голосом рявкнул, тем самым отсекая всяческие протесты со стороны Жанны:

— Жена, где рюмки? Тебе нельзя, а мы с Санькой...

— А я не пью, — заявила гостья. — Ты забыл, я же от кваса пьянею.

— Жаль. Ну, мне больше достанется. — Он поднял полную рюмку, посмотрел на свет и остался доволен: — Как слеза! Главное, ядов, вредящих здоровью, ни капли нет. Это я говорю для тех, кто мечет из глаз молнии, — он покосился на Жанну. — За вас, мои красавицы!

Глеб несколько не преувеличил, девчонки были породистые, как скаковые лошадки, но при всем при том, как говорится, на любителя. Так ведь любая красота — понятие растяжимое,

посему не всех в общепризнанном эталоне она трогает, имеются и другие предпочтения. Жанну и Саньку Глеб считал красавицами, а что?!

Обе крупные, в идеальной форме (с мужской точки зрения), во всяком случае, не надо при помощи лупы искать грудь, у девчонок все на своих законных местах. И лицами схожи: губы алые без помады, выпуклые и резко очерченные, глаза у обеих цвета корицы, ресницы и брови черные, лбы высокие, русые волосы густые. Стоит взглянуть на них, и сразу понимаешь: это родные сестры, но при всей схожести они абсолютно разные.

Дело даже не в прическе. У Саньки длинная стрижка «в свободном полете», то есть волосы как бы взбиты, пряди небрежно уложены, отчего широкоскулое лицо с крупными чертами выглядит дерзким. У Жанны, наоборот, волосы зачесаны назад без всякой челки, поэтому тот же овал лица смотрится более женственным. Да и сама она мягкая, несколько безвольная, но далека от воплощения мужских грез: чтобы жена была не больно языкастой, не напоминала электропилу, основную часть жизни проводила на кухне и мужа обожала. Мужа она обожает, на кухне разве что не спит, а покомандовать любит и пилит его изредка.

Санька тоже явно не из отары покорных овец, однако понимаешь это, когда узнаешь ее

поближе или в определенных обстоятельствах. Многие спокойной девушке приписывают нордический характер и не подозревают, что она упряма, решительна, строптива, не боится рисковать и себя очень уважает.

Глеб с наслаждением закусывал окороком и слушал жизнеописание в формате Тмутаракани, жутко неинтересное, потому что банальное. Санька, приехавшая искать место под солнцем, еще не знала, что Тмутаракань мало чем отличается от города-миллионщика, жизненные принципы-то везде одни и те же.

А она по-хорошему завидовала Жанне, у нее же есть Глеб — большой, добрый и любящий, надежный. Бывают люди, которым безраздельно доверяешь, посмотришь — вроде бы ничего особенного в них нет, обычное лицо, каких тысячи, но выделяешь только таких, как Глеб. Однако Саньке не понравился настрой Жанны, он встревожил ее. Нет, нет, теперь младшая сестра будет рядом и заставит ребенка родиться, иначе Жанна сделает несчастной себя и Глеба, а они этого не заслуживают.

3

Планы Рудольфа полетели в тартарары. Особенно обидно стало, когда небо посветлело, а конца выяснениям не было видно.

Врачи вызвали полицию, мол, так надо, ибо смерть наступила при невыясненных обстоятельствах, пусть те, кому положено, выясняют, сама ли женщина погибла, или ей помогли. Господа полицейские появились, и началось!

На Рудольфа наехали: как посмели вытащить труп на улицу! У того поначалу челюсть отвисла, поэтому на идиотскую претензию, противоречащую общечеловеческой морали, он не в состоянии был дать отпор. Увидев потрясенную физиономию Рудольфа, зареванная Ия чуть не с кулаками кинулась на тупорылого типа при исполнении:

— По-вашему, мы не должны были пытаться спасти Викторию? А если бы на ее месте оказались ваша жена, дочь, мать? Вы бы спокойно ждали, когда она окончательно умрет в этой газовой камере?

— Ия, успокойся. — Рудольф обхватил ее руками и крепко прижал к себе, но она в ярости вырывалась:

— Нет, пусть ответят! Вы бросили бы друзей умирать? Мы вытащили ее, потому что надеялись... потому что не знали... хотели...

И море слез выдала, искренне горя.

— Ну, все, все, — крепче прижал ее к себе Рудольф. — Ия, мы с тобой сделали то, что сделал бы каждый на нашем месте, успокойся.

Мало-помалу она перестала рыдать, обняла его за шею, так они и стояли, пока эксперты осматривали труп и гараж.

Труп... Виктория не старуха, не болела, курить бросила, не пила, еще днем Ия обедала с ней в кафе, и вдруг она уже никто, тело, которому не удалось вернуть дыхание, а значит, жизнь. За короткий отрезок времени смерть успела изменить лицо Виктоши своею беспощадной рукой и нанести специфические отметины, которые не позволят ошибиться, принять труп за живого человека. На это было страшно смотреть, поэтому Ия спрятала лицо на груди Рудольфа.

Некоторое время спустя старший группы отозвал его, но Рудольф сначала отвел Ию в машину, после чего мужчины уселись на ступеньки крыльца. Второй полицейский пристроился рядом, уложил на колени папку с чистыми листами, приготовился записывать.

— Рассказывайте, как и почему вы здесь оказались, как обнаружили труп, — тягуче выговорил старший группы.

Рудольф умел излагать лаконично и в достаточной степени убедительно, чтобы стражи порядка не стали пытаться его дополнительными вопросами. В сущности, картина была ясна, ведь следов насильственной смерти не обнаружено. Это не первая и не последняя смерть в автомобиле, двигатель которого работает в гараже,

хотя автолюбителям должно быть известно, какую опасность представляют выхлопные газы в закрытом помещении. Выходит, грамотных много, а знаний мало. К тому же спозаранок у старшего группы не очень-то голова варила, чтобы задуматься над нелепостью этой смерти.

— Весной тоже было два трупа в гараже, — сказал молодой человек, записывающий показания Рудольфа. — Мужик с бабой не нашли другого места, где заняться сексом. Оба насладились, видимо, решили отдохнуть, задремали и не проснулись. Сын мужика обнаружил трупы, а жена отказывалась его хоронить, обиделась на покойника за измену.

Рудольфу были глубоко безразличны угоревшие любовники, он чертовски устал, как-никак трудился долго, пытаясь оживить Викторию, а шел уже восьмой час утра, и он мечтал поскорее сесть в машину да укатить отсюда.

— Прочтите и распишитесь, — сказал старший группы, зевнув. — И позовите вашу жену..

— Прошу вас, не сегодня, — запротестовал Рудольф. — Вы же видели, в каком она состоянии. Это произошло неожиданно очень... Обещаю привезти ее в райотдел, когда она хотя бы немного придет в себя.

Он начал читать, плохо разбирая чужой почерк, в это время к ним подошел сухощавый мужчина в дымчатых очках, как понял Рудольф,

один из экспертов, во всяком случае, на его долю выпала большая часть работы:

— Как будто все чисто, но...

— Что — но? — насторожился старший группы, усмотрев за недосказанностью сомнения по поводу «чистоты» смерти.

— Никак не могу понять, зачем она осталась в гараже.

— Действительно, — встрепенулся Рудольф, не заостривший внимания раньше на этой странности. — Она же домой приехала...

— Ворота открываются наружу, — рассуждал криминалист, — значит, девушка заехала в гараж, вышла из машины, не заглушив двигатель, и прикрыла ворота. Затем она вернулась обратно в салон и, получается, ждала смерти. — Он обратился к Рудольфу: — Когда вы приехали, двигатель еще работал?

— Нет, — ответил тот. — Думаю, заглох перед самым нашим приездом, потому что когда мы открыли гараж, то, стоя на воздухе, чуть не задохнулись от выхлопных газов.

— А как вы догадались заглянуть в гараж?

— Ия звонила Виктории, хотела убедиться, что она дома, раз уж мы приехали. А я стоял возле гаража и услышал ответный слабый сигнал. Кстати, дверца машины была приоткрыта.

— А на каком месте она сидела?

— За рулем. На водительском.

— Самоубийство, — тягостно вздохнул старший группы.

Самоубийство хуже несчастного случая. Предсмертной записки с известным текстом «В моей смерти прошу никого не винить» не нашли, стало быть, предстоит покопаться. Как правило, доказать, что человека довели до суицида, крайне сложно, практически невозможно, но потратить силы и время придется, потому и затосковал старший группы. Однако криминалиста в дымчатых очках что-то не устраивало в этой версии, он пристал к Рудольфу:

— А лично у вас какая идея возникла насчет смерти девушки? Ведь ваша жена — ее подруга, она, наверное, успела поделиться с вами соображениями, пока вы ждали нас?

— Да какие там соображения, — вяло отмахнулся Рудольф. — До приезда «скорой» мы пытались оживить Викторину, потом врач констатировал смерть, у Ии началась истерика... сами понимаете. И у меня идей никаких не возникло... хотя... хотя...

— Вам что-то показалось странным? Что?

Рудольф припомнил, как открывал ворота гаража, ведь именно тогда появился некий раздражитель. Да-да, что-то ему мешало... Пришлось детально восстановить в памяти каждый шаг, и он вспомнил:

— Бревно. Вон оно лежит, я его отодвинул...

— Отодвинули? — заинтересовался криминалист. — Почему вы его отодвигали?

А ведь этот кривой ствол многое объясняет, и Рудольф встал и пошел к нему, дабы наглядно показать, как он лежал, одновременно рассказывая:

— Я услышал сигнал мобильного и кинулся открывать гараж, взялся за ручки створок, но мне что-то помешало. Я сразу почувствовал: ворота не заперты, а помеха внизу. Ею оказалось это бревно, оно лежало...

От волнения Рудольф не мог подобрать нужные слова, изобразил руками, разводя их в стороны и сводя вместе. Эту пантомиму перевел на русский язык криминалист:

— Поперек.

— Да! — прищелкнул пальцами Рудольф. — Я его отодвинул. Мне кажется, оно по какой-то причине упало и придавило ворота. Виктория просто не смогла их открыть, села в машину погреться и...

Криминалист походил вокруг бревна, почесывая подбородок и посматривая на гараж, кажется, в рассказе свидетеля его что-то не устраивало. Рудольф следил за его глазами и понял — что упасть стволу было неоткуда, а у входа в гараж все возможные подсказки оказались затоптаны.

— Может, с крыши? — неуверенно предположил он.

— Маловероятно, — сказал криминалист. — Крыша плоская. И еще: чтобы упасть, бревно должно было лежать на самом краю, практически свешиваясь искривленной серединой. Тогда от удара ворот, может быть, и упало бы... Но какой же дурак положит увесистую дубину над своей головой? К тому же она мешала бы закрывать и открывать гараж.

Вопрос остался открытым, а нужно было вычислить точно, откуда взялось бревно, поэтому криминалист изучил гараж со всех сторон, нашел отметину в земле, выпятил губу. Понятно: ствол стоял на углу гаража. Криминалист присел перед вмятиной, она его очень заинтересовала, тем более что рядом с этой вмятиной была другая, по которой несложно было вообразить траекторию падения. Криминалист сделал несколько снимков этого участка земли, потом попросил помочь поставить бревно, как оно должно было бы стоять, после чего аккуратно опустил его по вмятине на землю и покачал головой:

— Упасть, как вы говорили, и подпереть ворота оно не могло.

— Но я его сам убирал, — возразил Рудольф. — Бревно лежало вплотную к воротам.

Криминалист потребовал уложить ствол, как показал свидетель, сам же перед этим зашел

в гараж, закрыв створки. Уложили. Несколько толчков изнутри по воротам и — эксперт вышел на свободу.

— Я не прикладывал силы, чтобы открыть створки, — сказал криминалист. — Значит, Виктория могла выйти, толкнув ворота, но не вышла.

— Что ты хочешь сказать? — возмутился старший. Возмутился именно потому, что понял наконец, к чему ведет коллега.

— Заводи уголовное дело, это не несчастный случай и не суицид.

— Ее что, убили?! — вытаращился Рудольф.

Криминалист развел руками, дескать, другой версией здесь и не пахнет, потом подкрепил жест словами:

— А как вы думаете, она могла закрыть сама себя, подперев ворота снаружи стволом дерева? Это первое. Второе, я уже говорил: выйти из гаража для нее не составило бы большой проблемы, она бы вышла, если бы была в сознании.

— В сознании? — недоумевал Рудольф. — То есть?

— Она находилась в бессознательном состоянии, — пояснил старший. — Не исключено, что ее отравили, потом посадили в машину.

— Травили или нет, покажет вскрытие, но определенно что-то с ней сделали, — убежденно сказал криминалист. — Мне кажется, убийца

пытался симитировать несчастный случай. Думаю, он надеялся, что труп обнаружат не скоро. Если бы ее подруга Ия приехала через пару дней, она, увидев бревно, подпирающее ворота гаража, не заглянула бы в него, батарея в мобильнике разрядилась бы, и неизвестно, через какое время нашли бы девушку.

Рудольф с некоторым облегчением отъехал от злополучной дачи, тяжкое это дело — обнаружить труп знакомой, хотя Викторию он знал всего ничего, однако мнение о ней успел составить. Славная она была, во всех отношениях приятный человек, обычно подобные люди пользуются доверием окружающих, такие на сегодняшний день штучный товар. Один недостаток она имела — весьма скромную внешность пацанки. Может быть, поэтому Виктория не вышла замуж, а ей недавно исполнилось тридцать четыре. Да где ж ей тягаться с красотками, отбирающими у скромниц потенциальных женихов? Мужчины вначале видят картинку и только потом заглядывают за нее.

Он покосился на Ию — бледная, поникшая. После того как возникло предположение, что Тошку кто-то умертвил в газовой камере, старший группы снова рвался допросить Ию, но Рудольфу и на этот раз удалось уговорить его повременить. Надо бы ей сказать...

— Как ты? — поинтересовался он.

— Не спрашивай, — пробормотала Ия, у нее задрожали губы. — Не могу поверить... какая-то дурацкая смерть... Знаешь, до сегодняшнего дня мне казалось, что я и мои друзья, которых я люблю, никогда не умрут, что мы вечные. Ну, почему она? И почему так? Тошка была аккуратной, педантичной, никогда ничего не забывала. Как она попала так нелепо?

— Попалась? Это правда, она действительно попала.

— Не понимаю, ты о чем? Тебе стало что-то известно?

— Не буду скрывать... Короче, возникла версия, что это не несчастный случай.

Ия почти лежала в кресле, но после фразы Рудольфа она выпрямилась, заглянула ему в лицо и обеспокоенно спросила:

— Не несчастный? Только не говори, что им... — указала она пальцем назад, имея в виду стражей порядка, — пришла в голову безумная идея, будто Тошке подстроили смерть.

— Видишь, и тебе то же самое пришло в голову.

— Что, это правда?! Они считают, будто Тошку...

Даже выговорить «убили» было жутко, страшно. Обычно это слово где-то там в телеке остается, за сухими новостными сводками, кажется,

что это происходит на другой планете, на худой конец, в другой стране. В какой-то мере к словам «убийство», «убили» люди привыкли, ибо упоминаются они все чаще и чаще, тем не менее они не доходят полностью до сознания.

— Ну, похоже, похоже. — И Рудольфу не давались эти чуждые слова, их, конечно, придется произнести, но сначала нужно к ним привыкнуть.

— Кто? За что? — растерялась Ия. — Нет, невозможно. Тошка... она же никому не причиняла зла.

— Значит, кому-то помешала. Ты же не находилась с ней двадцать четыре часа в сутки, следовательно, всего знать не можешь.

Молчание Ии не означало согласие, но, прежде чем возражать, она проанализировала свои последние встречи с Викторией. Они были ближайшими подругами с детства, а длительная дружба нередко перерастает в родственную связь, когда люди друг друга чувствуют на подсознательном уровне. Последний пример: Ия места себе не находила после звонка Виктории, поэтому решила позвонить Рудольфу и отправиться за город, а она никогда не звонила ему, если он находился дома. Что, как не подсознание (ну, пусть интуиция), руководило ею?

Если бы у Виктории возникли проблемы, то первой об этом узнала бы Ия, но ничто ее не

насторожило. Разве не заметила бы она натянутость, спад в настроении, затуманенный грустью взгляд, какой бывает у людей, отягощенных заботами, тем более смертельной опасностью? Что-то же должно было стать предвестником убийства? Или Виктория этого не чувствовала? Быть того не может. Теперь у Ии нашлись аргументы:

— Я, конечно, не находилась с ней все двадцать четыре часа, но, поверь, знаю ее как себя. С сомнительными личностями она не водилась, тайн никаких не знала, свидетельницей преступлений не являлась, иначе я была бы в курсе. Тошка всегда советовалась со мной, прежде чем что-то сделать. Нет, Рудик, я бы знала, если бы она куда-то вляпалась.

— Тем не менее. Сначала опера думали, что это несчастный случай или самоубийство...

— Самоубийство исключено, — категорично заявила Ия. — Тошка выплатила кредит за машину и собирала документы, чтобы взять очередной кредит и купить эту проклятую дачу.

— Но и на несчастный случай ее смерть не тянет, ей помогли расстаться с этим светом, значит, причина есть. И причина серьезная. Мы сейчас до нее не докопаемся, но будет следствие, думаю, полиция разберется. А у меня есть предложение: едем к тебе и устраиваем себе выходной... пару выходных. М?

Ия порывисто обняла его, что являлось согласием. Да и какая сегодня работа после бессонной ночи и страшного события?

4

Тепло, солнечно, безветренно, и все же это осень, в парковой зоне она особенно остро ощущалась. Желтизна лишь слегка подкрасила края листьев, но солнце уже залило все вокруг янтарным цветом — это цвет осени, цвет грусти и напоминание: век стал короче на один год.

У Олеси годичный цикл завершала именно осень, а не последний день декабря, наверно, потому что период угасания заставляет вглядеться в себя, подвести итог: а что во мне изменилось? И каждый раз находится новая мелочь, которая неизбежно старит, правда, по чуть-чуть, почти неприметно. Немножко глазки потухли, при улыбке появляются тонкие «гусиные лапки», чуточку кожа подсохла, щечки стали не столь свежи — мелочи, да? Но когда их собирается много, то те, с кем ты давно не виделась, замечают изменения не в степени «чуть-чуть», а гуртом и ахают: «А помнишь, какими мы были...» Не помнит! Не хочет она помнить! Потому что чудится, будто все осталось как во времена непорочной юности, только это не так, тридцать шесть, извините, не шестнад-

цать. Прибила бы всех, кто обожает воспоминания.

На пяточке открытого кафе Олеся выбрала столик, села, рассеянно осмотрелась и, не заметив ни одного знакомого лица, закурила. Да, она покуривает, если никто не видит. Привычка укоренилась с десятого класса, когда они с девочками прятались от учителей и родителей, потом обливали себя дешевыми духами, чтобы те не учуяли запах табака. Но сейчас кто вправе запретить ей курить? Никто. Это игра с самой собой в запретный плод, ведь, когда все можно, не хватает как раз чего-то непозволительного.

— Привет, зачем звала?

— Здравствуй, Глеб, — улыбнулась Олеся.

Смотрела она на него, как в зеркало, и видела собственное отражение. Он переменялся: заматерел, раздался в плечах, черты лица огрубели, ранняя седина подбелила виски, точь-в-точь как листья, легонько подкрашенные золотом нынешней осенью. Только глаза остались молодыми, такими же прозрачными и магнетическими, но в них появились колючки. В общем, натуральный мужик, причем от сохи, значит, здоровый по всем показателям — что физически, что морально. Неужели и Олеся выглядит теткой? Она полагала, что лет десять может скинуть с чистой совестью, но на одноклассников посмотрит и — впадает в уныние.

— Олеся, ты где? — усмехнулся Глеб.

— Извини, задумалась, глядя на тебя. Давно не виделись... Сколько лет, не помнишь?

— Не помню.

— А живем в одном городе, — вздохнула она.

Глеб не поддался ностальгическим воспоминаниям и, положив локти на стол и подавшись к ней, спросил:

— Что случилось? Чего тебе вздумалось назначить мне свидание?

От него требовать любезности бесполезно, он до неприличия прямолинеен, тем не менее подобные Глебу мужчины безумно нравятся женщинам всех возрастов. Они олицетворяют собой ту стену, к которой хочется прислониться, а еще в них не чувствуется порчи. Опять же несовершенство мира налицо: крепких стен все меньше и меньше, а число желающих прислониться к ним неукоснительно растет. Олеся набрала в грудь воздуха, словно готовясь пожаловаться на свою ужасающе безбедную жизнь, во всяком случае, брови ее сошлись на переносице в страдальческой гримасе, но вдруг вышла из образа страдальцы:

— Выпьешь чего-нибудь? Я угощаю...

— За рулем не пью. К делу, Олеся.

— А кофе?

Ну и взгляд он ей послал, хуже только ненормативная лексика. Олеся потупилась, преодолел

вая порыв извиниться и уйти, и после короткой паузы с трудом выговорила:

— Я, Глеб, виновата перед тобой...

— Да брось ты, какая вина? Эй, — он прищелкнул пальцами, призывая официантку. — Минералки принеси. С газом.

Миролюбивые нотки в его интонации придали Олесе смелости:

— Нет-нет, моя вина есть, у меня это чувство не проходит... Ты ушел в армию, я обещала ждать тебя, но вышла замуж за Руди, а вы враждовали...

Да, загудел он в доблестную на четвертом курсе, подозревал, что родители Олеськи подсутились, у них знакомств — всем бы столько. Потом вернулся в институт и добил высшее образование, которое ему не пригодилось.

— Когда это было? — вытаращился Глеб. Налив минералки в стакан, выпил и, взглянув на Олесю, пожалел ее: — Если тебе нужно мое прощение, я простил тебя давным-давно.

— А Руди? — вскинула она на него молящие глаза. — Мне кажется, он тоже чувствует свою вину...

— Мне от этого ни холодно ни жарко, — пыхнул Глеб.

— Значит, у тебя не прошло... Понимаю, ты из-за меня пострадал, но мы же достаточно повзрослели, чтобы оставить в прошлом обиды...

Она мямлила, а у Глеба не хватило терпения выслушать до конца эту ахинею, тем более что речь зашла о Рудольфе.

— Заблуждаешься, Олеся. Не ты причина моих бед в прошлом, а моя глупость, то есть доверчивость. И твой муж.

— Но он же искренне хотел загладить свою вину, — заговорила с жаром Олеся, — взял тебя на работу, когда никто не брал...

— По-твоему, я должен ему и тебе за это до конца дней своих в пояс кланяться?

— Я хочу лишь примирения. Мне тяжело, Руди тоже, потому он нервный. Пойми, это же давит на нас... Он сейчас в отъезде, два дня назад уехал внезапно... ночью вызвали, — зачем-то отчитывалась она перед Глебом. — Но придет завтра! И завтра... мы могли бы... вечером встретиться у нас, посидеть, прийти к согла...

Она осеклась на полуслове, не заметив ответного желания примириться в его глазах-колючках, к тому же он ее перебил, надо отдать ему должное, без враждебности:

— Я не наступаю на грабли дважды. Олеся, мы не виделись несколько лет. Давай и в будущем не встречаться, ладно? И не подсылай ко мне своих инициативных подружек, Альке я обещал, что встречусь с тобой, но только для того, чтобы сказать: забудь обо мне навсегда. Живи спокойно, счастливо, а если я тебе мешаю

своим существованием, то извини, тут уже ничего не поделаешь. Прощай, Олеся, желаю удачи. Альке привет.

Прихватив недопитую бутылку минералки, он зашагал по аллее к выходу из парка, шел уверенно, твердой поступью. Говорят, одна походка может рассказать о человеке многое, но Олеся, не сводившая с него глаз, так и не поняла, каким же он стал. Глупости все это. Зато в процессе короткого диалога выработалось однозначное суждение: Глеб и раньше был максималистом, с тех пор ничего не изменилось, словно годы и неудачи не повлияли на его характер.

Потеряв Глеба из виду, Олеся прикурила от зажигалки, которую тут же спрятала в боковом кармашке сумочки, застегнув его на молнию. И перевела взгляд на кусты, деревья, янтарные пятна на земле... Тоскливо как-то.

На все вопросы следователя Ия отвечала — «нет...», «нет...», «нет...». После очередного ответа он затягивал паузу, на его непроницаемом лице обозначилось выражение скуки, кроме этого, казалось, что он не верит ей. Почему, собственно, не верит? А попробуй догадайся! Потому Ия, девушка неробкого десятка, и растерялась, долдонила слово «нет» все тише и тише, опустив ресницы, так как под его

ледяным взглядом ощущала себя маленькой букашкой, которую эта махина раздавит не глядя.

Наконец следователь выпустил из пальцев авторучку, шумно вдохнул, и Ия заподозрила, что надоела ему до смерти, одновременно появилась надежда: он сейчас разозлится и прогонит ее. Она побежала бы отсюда галопом.

— Ну а другие слова вы знаете? — Не прогнал ее, а жаль.

— Да.

— Уже лучше. Как же так, гражданка? Вы ближайшая подруга Виктории, но по вашим ответам складывается впечатление, что у вас было шапочное знакомство.

А вопросы какие? Склонна ли была Виктория к депрессиям? Касалась ли она в разговорах темы самоубийства? Имела ли близкого друга? Вступала ли в конфликты с коллегами и друзьями? Не была ли свидетельницей преступления? Не баловалась ли изредка наркотиками? И так далее. Как должна была отвечать Ия, если за Тошкой пороков не числилось, а сомнительных связей и подавно? Следователь не дождался от нее оправданий и сделал окончательный и примитивный вывод:

— Выходит, вы ничего не знаете о своей подруге.

Что за человек! Ему непременно нужна червоточина, в этом случае его знания будут полными?

— Я знаю ее лучше кого бы то ни было, — произнесла первую длинную фразу Ия, но следователь не догадался, например, пошутить по этому поводу и тем самым разрядить напряженную атмосферу.

— Ну и что вы можете рассказать по данному делу? — сухо спросил он на выдохе.

То шумно вдыхает, то выдыхает, давая понять, что с тупицами работать — сущее наказание. Тупица, разумеется, она, а Ия привыкла к повышенному вниманию, восторгам, комплиментам. Какой бы ни был мужчина (низкий — высокий, толстый — тонкий, страшный — симпатичный), порисоваться перед интересной женщиной никто не откажется. Это первый мужик, причем нестарый, лет сорока, который не старался показать себя с выгодной стороны, скорей всего, он не имеет приятных сторон. Отношение следователя Ию задевало, если не оскорбляло — у нее окончательно пропало желание общаться с ним, поэтому она ответила кратко:

— Для меня смерть Виктории — неожиданность. Необъяснимая.

— И вы не знаете, кому выгодна ее смерть?

— Нет. — Хм, снова «нет».

— А ведь кто-то подпер ворота гаража, предварительно усыпив Викторию и оставив работать двигатель. Думаю, этому человеку она доверяла, а вы его или ее не знаете. Ну а с молодыми людьми она встречалась? Парень близкий был у нее?

Ия чуть не произнесла «нет» — это слово будто запрограммировано, но вспомнила:

— Олег. Не то чтобы... они пока только гуляли, в кафе сидели пару раз.

— Фамилия?

— Не знаю. Вы можете найти его по номеру телефона, номер в трубке Виктории...

Он ввинчивал в Ию взгляд, ввинчивал... словно подозревал ее во всех смертных грехах. Оказалось, так и есть:

— А вы где были до и после того, как она вам позвонила?

— Дома.

— Кто это подтвердит?

Он правильно трактовал ее молчание: на показаниях она поставила точку. Еще с минуту следователь строчил авторучкой по листу бумаги, задал пару несущественных вопросов и отпустил. А Ия уже думала, что ей уготовано место в тюрьме, тем более страшилок о злостных правонарушителях из органов полным-полно. К машине Рудольфа она еле приползла на не-

послушных ногах, а когда забралась в салон, попросила его:

— Поехали отсюда...

Глеб включил зажигание, мягко тронул машину с места, а Санька подозрительно косилась на него, ее разбирало любопытство. Нет, она не экстрасенс, не угадает, лучше напрямую спросить, что она и сделала:

— Кто та женщина, с которой ты сидел в кафе?

— Хм, — ухмыльнулся Глеб беззлобно. — Следила за мной?

— Еще чего, — фыркнула Санька. — Просто решила прогуляться по парку. Мне что, глаза надо было закрыть?

— Иногда не мешает закрывать глаза. Это была моя первая любовь.

— Красивая. — Таким тоном говорят о недостатках.

— Тебя в ее тряпки наряди, и ты будешь смотреться в сто раз красивей, а она... да, была когда-то милой, обаятельной, отличницей! Мы дружили.

От наблюдательной Саньки не ускользнула нежная тональность, да и улыбчивая физиономия Глеба навела ее на убийственную мысль:

— Ты до сих пор тащишься от нее?

— Глупости, — с той же улыбкой, будто впад в легкую эйфорию, сказал он. — С чего ты взяла?

Саньку буквально подбросило от возмущения, что случилось редко. Ей стоило огромных усилий не заехать ему в ухо, а сидел он очень удобно — боком, однако она ограничилась словесной атакой:

— Физия твоя стала совершенно бессознательной, когда ты заговорил о ней. И это при мне! Дома у него Жанна с животом, а в мечтах какая-то крыса! Пусть одетая в фирму, но крыса. Если узнаю, что ты обманываешь мою Жанку с этой... тебе не жить.

Глеб удивленно взглянул на свояченицу, а та и впрямь разозлилась: щеки запылали, глаза гневно его буравили, брови сошлись в прямую линию. Он опомнился, поняв причину ее гнева, и поспешил разуверить девушку:

— Я же сказал: *был* влюблен! А это прошедшее время, раз ты не знаешь. Выглядит она сейчас уставшей и... и жалкой. Мы с ней долго дружили, как понимаешь, не только целовались. Но когда я служил в армии, Олеся вышла замуж. Очень удачно вышла, муж у нее бизнесмен, правда, сволочь редкая. Наверное, ей тяжело с ним, но это ее выбор, стало быть, и проблемы ее. А я люблю Жанну, ни на кого твою

сестру не променяю, так что не психуй понапрасну.

— Правду говоришь? — не успокоилась Санька.

— Мне что, землю есть? Тогда поедem за город, там она чище.

— Землю? — скривилась она. — Не надо, я не садистка.

— Значит, продолжим знакомиться с городом.

Он подмигнул Саньке, после чего она сменила гнев на милость. Глеб умеет убеждать без стараний убедить, ему не нужно что-то там долго доказывать, ему веришь на слово, потому что есть более значимые вещи, чем клятвы и аргументы. Он наделен мистической убедительностью, наверное, если и солжет, в его устах ложь будет выглядеть чистой правдой.

Ночь. Горел лишь ночник в форме кувшинки из прозрачного пластика — наследство от бабушки. В семидесятых годах прошлого века это была модная штучка, и сейчас моден кич той эпохи. За две статуэтки а-ля фарфор, которые тогда считались верхом мещанства и стоили копейки, Аля отвалила столько, что можно подумать, их собственноручно лепил какой-нибудь древний китайский мастер. Придать интерьеру шарм не удалось, статуэтки смотрелись эклек-

тично, Аля переставляла их из комнаты в комнату, в конце концов они застряли в спальне, ведь сюда не каждый допускается.

А его пустила, на кровать уложила, себя отдала. Она отдала бы ему хоть весь дом вместе с бабушкиным ночником и статуэтками, лишь бы он остался навсегда. Аля вела насыщенную жизнь: мужчин меняла, по странам ездила, тряпки покупала, не задумываясь о цене. Замуж не вышла потому, что не хотела связывать себя мужем и беби. Какие бебики, когда столько интересного в мире! Пирамиды майя, Ниагарский водопад, Тадж-Махал, горы Формозы, Лондон... Все видела, все попробовала. Так год за годом она откладывала создание семейного очага на потом, тем временем отец свил гнездышко для дочери в надежде, что в нем появятся внучата. И Аля надеялась: успею, еще не вечер.

Не сразу она заметила, что домой возвращается все чаще одна, а когда заметила, удивилась: что за черт, где же обожатели-воздыхатели? Их просто не стало. Не то чтобы мало было, а вообще не стало. Куда это они делись как раз тогда, когда она созрела для замужества и бебиков? А все ушли в личные заботы: карьеру делали, семьями обзавелись, короче, ее бросили. Почему?! Тут-то мамина сестра с жестокостью завистливой гарпии и прошла по ней катком:

— К твоим годам некоторые успевают развесть парочку раз, а ты еще замужем не была. И в зеркало посмотришь. Твоя любовь к экзотической кухне отложилась во всех частях тела. Не спорю, полных женщин много, это не мешает им иметь мужей, только мужчины любят упругих, а не рыхлых. Ты же в тридцать пять (это было год назад) как подтаявший холодец, к тому же пропиталась насквозь sake, текилой, виски и ленью. Умерь свои запросы, перестань жрать и займись фитнесом.

Тетку живьем на костре сжечь мало, но она выдала горькую правду: да, наступил тот самый вечер, который еще недавно был далеко за горизонтом. Вечер не в смысле старость, просто время ушло. Если и крутились вокруг Альки мужчинки, так это же плебейские блохи, подбирающиеся к папиному карману..

Воспоминания взбудоражили ее, Аля повернулась на бок, подложила под щеку ладонь, чтобы подушка не мешала смотреть на свой, может быть, последний шанс — как это ни противно звучит. Света от ночника было слишком мало, чтобы видеть его целиком, но профиль выделялся, она не столько изучала, сколько его гипнотизировала: будь со мной, будь со мной. Аля поняла, что всю свою сознательную жизнь ждала именно такого человека, способного и умеющего разбудить ее атрофированное тело. Ее не

покоробит, что и он может оказаться из серии плебейских блох, ищущих, чем поживиться, — пусть. Допустим, он хочет себя продать, намыкавшись по жизни, но она же не прочь купить, сделка как форма отношений — не самый худший вариант, если честно следовать правилам.

— Который час?

А она думала, он спит. Аля потянулась к нему, прижала губы к его груди, потом к скуле, покрытой жесткой щетиной, в голове промелькнуло: зачем ему время? Он тоже потянулся, но в обратную сторону, просто взял с полки мобильник.

— Половина второго, — сообщил.

В следующий миг, отбросив одеяло, он сел и включил настольную лампу, Аля всполошилась:

— Куда ты? Среди ночи?

Вот, вот она — мужская харизма: он навалился на нее без разговоров, терзал грубыми ласками, а как раз напора и силы Альке всегда не хватало, хотя она не замечала за собой склонности к мазохизму. Наверное, не те кадры попадались. Но теперь у нее, как в том анекдоте про настоящих женщин: тигр в постели, в гараже не «Ягуар», тем не менее тачка супер, на плечах — выбирай хищника по вкусу в гардеробе. Четвертый должен быть осел, который все это оплачивает, но отца ослом назвать язык не повернется, он

поворачивается у тетки, которая и прилепила к нему данное прозвище.

К огорчению Альки, тигр одевался, у него же ночная смена, а для ее понимания, штатной бездельницы, это было недостижимо: зачем какая-то работа среди ночи, когда заняться можно кое-чем приятней? Да хоть выспаться!

— Кофе свари, — приказал он.

Ну, кофе не борщ, к тому же это повод задержать тигра. Аля набросила халат и убежала на кухню, кофе варила собственноручно, а не в кофеварке, добавляя различные ингредиенты, дабы поразить его. Жаль, не утро, он получил бы кофе на подносе в постель, едва проснувшись.

Ему — кофе, себе — виски, чтобы уснуть и сладко спать до полудня. Он пил, уткнув в чашку нос и распластав по столу локти, потом вдруг замер, вспомнив:

— Мобилу забыл в спальне, принеси.

Тигр продолжал отхлебывать из чашки горячий пряный кофе, наострив уши на удаляющиеся шаги Альки. Когда же воцарилась тишина, он, не торопясь, достал из нагрудного кармана рубашки небольшой пакетик, осторожно развернул его и аккуратно высыпал в виски. Поболтав его, посмотрел стакан на свет — виски как виски, будто там нет ни грамма порошка. Поставив на место стакан, поднес ко рту чашку